

Роман «Евгений Онегин»: тип конфликта

В реализме возрастает роль тематического конфликта, являющегося естественным порождением объективного материала реальности. В дореалистических методах базисными являлись конфликты, искусственно сформированные под проблему, актуальную для данного метода. Например, любая тема в классицистской трагедии подводится под конфликт разума и чувства, долга и страсти. Первичен конфликт, тема вторична, являясь средством для демонстрации нужного конфликта и вытекающей из заданного его течения идеи. Соответственно количество активно используемых конфликтов ограничено принятыми в данном методе несколькими проблемными конфликтами. В реализме подобная неписаная регламентация оказывается ненужной. Автор свободно использует и тематический и проблемный конфликты, исходя из своих личностных установок и интересов. Об определенном приоритете тематического конфликта можно говорить лишь в самом общем плане, исходя из ориентации писателя-реалиста на освоение реальности в многообразии ее тем, как освоенных художественной традицией, так и впервые вводимых в литературу. Из темы вытекает нужный конфликт, наиболее адекватно отражающий ее противоречия. Искусство автора проявляется в способности найти для данной темы оптимальный вариант конфликта (Ср. в классицизме или романтизме это был бы заранее заданный, «готовый» конфликт). Количество вариантов ограничивается лишь возможностями темы, а не внешними регламентациями.

Пушкин принимает тематические конфликты как необходимость и предпосылку субстанциального подхода к художественному отображению мира. В проблемных же конфликтах он видит возможности обогащения природных ресурсов бытия, облагораживания, окультуривания естественных проявлений человеческого чувства, желания, потребности. Житейская мудрость и художественная зоркость поэта проявилась в том, что в его

произведениях, насыщенных, как и в жизни, проблемными конфликтами, всегда как базисный высвечивается тематический конфликт; в адекватном отношении к жизненным противоречиям и субъективным проблемам поверяется жизнеспособность личности, ее созидательные ресурсы. Пушкинский художественный мир основывается на тематических конфликтах, нюансируется же, расцветивается конфликтами проблемными, которые то «прячут» за собой тематические, то придают им неожиданное звучание, поворот, окраску, то показывают человеческие заблуждения, уходы от основного пути. Взаимодействие базового тематического конфликта, рожденного объективным течением жизни, и проблемных, создающихся субъективными устремлениями людей, определяет богатство и полнокровие созданной поэтом картины жизни, в которой находят отражение как объективные, так и субъективные противоречия реальности.

Многообразие тем и вытекающих из них конфликтов подчинено в романе главной теме – теме человека живущего. Называя роман именем героя, Пушкин указывает, что темой своего произведения избрал его жизнь. Человек мыслящий и чувствующий, любящий и ненавидящий, счастливый и страдающий – эти и другие ответвления, как более частные, входят в основную тему, что и составляет содержание первого русского реалистического романа.

Соответственно основной тематический конфликт – конфликт между назначением «человека живущего» к одухотворенной, творческой, созидательной жизни, и его фактической жизнью, то озаряемой светом духовности, то пошлой и мелкой, то пустой, то насыщенной, то трагической, то счастливой. Иными словами, это конфликт идеала и реальности. Показателем этого конфликта является недовольство человека собственной жизнью и потребность ее изменить. Онегин «к жизни вовсе охладел». Рассказывая о недуге, овладевшем Онегиным, автор многозначительно добавляет: «которому причину давно бы отыскать пора». Онегин причину внутреннего недуга ищет во внешнем окружении. Первые ростки

неудовлетворенности собственной жизнью, по сути, собой, воспринимаются им как неприятие света: «Ему наскучил света шум». Так тематический конфликт преломляется в проблемном. Импульсы к развитию человек получает в неудовлетворенности собой, которая поначалу может обнаруживаться как недовольство внешним. Недовольство, обращенное вовне, мешает осознать внутреннее неблагополучие и тормозит путь личности к прозрению подлинной проблемы. Онегин ищет объяснение своей хандры во внешнем мире, обвиняя свет в пустоте собственной жизни. Пробудившаяся в нем потребность в высшем обнаруживается в скуке, пресыщении светскими удовольствиями. Открывшаяся тяга к духовности поначалу находит выход в недовольстве пустой и бессодержательной средой как не обеспечивающей жизненную насыщенность. Онегин не ощущает противоречивости собственной позиции, требуя от окружения, которое считает пустым, содержания, и, пытаясь искать духовное вовне. Роман строится на конфликте личности с внешним окружением, ищущей удовлетворения во внешнем же. В течение конфликта Онегин постепенно открывает, что внешнее одухотворяется изнутри, духовность идет из души, а критика и обвинения окружающих в бездуховности может быть продуктивными для личности разве что как переходный этап. Человек, последовательно идущий по пути духовного преображения рано или поздно отказывается от попытки переделывать внешний мир, принимая его таким, какой он есть, не посягая на свободу окружающих оставаться самими собой столько, сколько они сами того желают. Такое завершение находит у Пушкина цикл романтических исканий свободы. От романтического эгоцентризма, сконцентрированного на собственной несвободе («Ты для себя лишь хочешь воли»), Пушкин приходит к тому единственному, что может сделать личность во имя свободы, не противореча идее свободы – не посягать на свободу кого бы то ни было вовне. Проблема внешней несвободы, центральная в южных поэмах, в «Евгении Онегине» представлена как проблема внутренней несвободы. Онегин зависит от среды, к которой он

обращает свои претензии и запросы, от которой ждет решения своих проблем. Диктат среды определяет его собственное поведение с Ленским и Татьяной. Личность, предоставленная самой себе, свободная («Свободен, в цвете лучших лет, среди блистательных побед, Среди вседневных наслаждений» --1,1), на каком-то этапе своего пути, вдруг открывает то, что в июле 1823 года открыл для себя друг Пушкина Чаадаев: «Независимость не есть блаженство, а одно только средство к оному» (Чаадаев: 22). Влюбленный знает, что такое несвобода от собственной любви. Только освободившись от «любви безумной тревоги», может приступить к творчеству автор «Евгения Онегина». С пониманием и сочувствием наблюдает он за влюбленной Татьяной: «Татьяна, милая Татьяна, С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою». Но влюбленный, не колеблясь, приемлет над собой власть «модного тирана», такая тирания его не пугает. Не любя, Снегин утверждал, что «вольность и покой замена счастью», полюбив, жаждет именно счастья, а не его замены, и признает: «Я в вашей воле». Любовь делает несвободу желанной, наделяет ее высокой ценностью, тогда как свобода наделяется немислимым для романтика эпитетом: «постылая» («свою постылую свободу я потерять не захотел» --8,XXXII)

Любить человека – значит принимать и его недостатки, составляющие неотъемлемую часть личности любимого. Попытка исправить, переделать, изменить – знак неполного приятия личности – или противоположна любви, дорожащей именно целостностью, а не отдельными чертами другого, или свидетельствует о спаде любовного чувства. Пушкин был наделен редкой способностью любви, то есть приятия в целом. И эта способность распространялась с любимого человека на мир, жизнь. В заключительной главе романа Пушкин приводит свою музу в свет («И ныне музу я впервые на светский раут привожу»). Муза, воспевавшая «детские веселья» (8,1), «страстей единый произвол» и «шум пиров» (8,3), «скалы Кавказа», «брега Тавриды» (8,1У) и «смирненные шатры» (8У), готова воспеть мир

аристократов: «любуясь», «ей нравится» (8,У1,УП). В свете, как и везде, есть достойное воспевания, достойное любви. Женщину, которую суждено было полюбить Онегину, он встречает именно в свете. Онегин увлечен «не этой девочкой несмелой, Влюбленной, бедной и простой, / Но равнодушною княгиней...» (8,XXУП). Повзрослевшие, и автор, и герой готовы увидеть в свете не только суету и пустоту, но и высоты дворянской культуры, не только мелких NN, но и личностей, достойных любви и уважения, имена которых, между прочим, рассеяны по всему тексту романа, но в своем подчеркнуто позитивном значении обозначенных именно теперь.

Негативная или позитивная оценка общественной среды определяется в романе характером ее воздействия на личность. Критерием целесообразности конфликта или разрыва представляется исходящее из окружения препятствие развитию личности. Художественное исследование потенциальных возможностей светской среды для духовного роста личности приводит к мысли, что из света исходит унифицированное, обезличивающее воздействие, суживающее личность до необходимого в обществе набора функций, облегчающих общение, но и доводящих его до примитива, автоматизма. Как следствие, «Навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы» (6,101). Воспитание и образ жизни в свете, навязывая шаблон поведения, упрощают жизнь, однократно лишают ее значительной части содержания, сводя существование к исполнению некоего внешнего обряда. «В светском уложении правдоподобие равняется правде». В свете важно лишь подобие правды, видимость, более или менее маскирующаяся под истину. Не истина, а условность определяет светские отношения, в которых «добро, законы, Любовь к Отчеству, права Одни условные слова».

Человеческое чувство сковано условиями, приличиями света, потому он «дико и смешно», редко, непривычно и непонятно. Почти оксюморонные выражения «мертвящее упоенье света», «хладный разврат света» передают окаменелость, мертвенность этого мира, подавляющего все живое и

чувствующее, подгоняющего все под единую мерку так, что «даже глупости смешной В тебе не встретишь, свет пустой» (7, XLVШ). Нормативная светская жизнь задерживает развитие, несет омертвление, окаменение. Но Пушкин видит опасности как жесткой регламентации жизни, сковывающей развитие личности, так и слепой стихии, будь то пожар, наводнение или разрушительные человеческие страсти. Естественная природная жизнь опасна буйством стихийного чувства, Пушкин любит милую естественностью поведения Татьяны, которая «любит без искусства», но признает и справедливость света Онегина: «Учитесь властвовать собой». Необъятные возможности развития черпает личность из первоизданной и естественной народной стихии, но и «навык света», шлифующий природные данные Татьяны, позволяет им проявиться с большим блеском и яркостью. Идеал Пушкина – в гармонии природных и культурных начал. Отмечая в героине романа подлинный аристократизм, Пушкин видит в отсутствии подражательности, простоте «милего аристократического тона» Татьяны глубоко национальные, народные основы. Татьяна становится «законодательницей зал» (8, ХХУШ), следуя естественным законам, привитым ей миром природы и обычаев народных и приобщившись к вершинам дворянской культуры, ее духовным ценностям.

Неспособность вписаться в социум может проявляться как следствие духовного развития личности, перерастающей окружение (Онегин), от увлечения светской жизнью приходящей к разочарованию в ней. С другой стороны, духовный рост Татьяны обнаруживается в овладении навыками общения, ранее недоступными. Юная Татьяна «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой» (2, ХХУ). Первые шаги Татьяны в свете оказываются неудачными: одни «Ее находят что-то странной, провинциальной и жеманной» (7, XLV1), другие «про нее между собою неблагоклонно говорят» (7, XL1X). С течением времени Татьяна, не стремящаяся «завоевать» свет («Без притязаний на успех» (8, X1У), обретает

всеобщее внимание и уважение: «К ней дамы подвигались ближе; / Старушки улыбались ей; / Мужчины кланялися ниже, / Ловили взор ее очей» (8,ХУ).

Среда может быть фактором как препятствия, так и развития в зависимости от усилий и ценности самой личности. С другой стороны, личность, формируемая окружением, оказывает обратное воздействие на него. Ложное ощущение исчерпанности ресурсов развития в светской среде возникает у Онегина, исходящего из представлений о своей роли как пассивного потребителя ценностей из окружающего мира. От Татьяны же исходит возвышающее и облагораживающее воздействие; собрав вокруг себя по-настоящему избранное общество, она создает благотворную атмосферу живого и непринужденного общения: «Перед хозяйкой легкий вздор / Сверкал без глупого жеманства, / И прерывал его меж тем / Разумный толк без пошлых тем, / Без вечных истин, без педагогства, / И не пугал ничьих ушей / Свободной живостью своей» (8,ХХШ).

В проблемном конфликте, определяющемся поисками личностью своего места в социуме, обозначается зависимость человека от среды, от соответствия собственного уровня и возможностей уровню и возможностям окружения. В тематическом конфликте обнаруживается личная ответственность человека за собственную жизнь. Место личности в жизни (а не в социуме только) по большому счету определяется тем, что исходит от самой личности. В пересечении тематического и проблемного конфликта совмещаются объективный и субъективный планы жизнедеятельности личности. Проблемный конфликт решается тогда, когда человек определил свою позицию в тематическом конфликте.

Идеал полноценной жизни противостоит в романе различным формам отчуждения от нее. По Пушкину, человек поверяется его способностью подключиться к поэзии жизни. Герой стихотворения «К вельможе» (1830), отдающийся потоку жизни («Ты понял жизни цель: счастливый человек, Для жизни ты живешь») и «веселья зритель равнодушный», каким изображен в основной части романа Онегин, каким бывает и сам автор, в тяжелые минуты

становящийся отстраненным наблюдателем («В обоих сердца жар угас») – два полюса в художественном сознании Пушкина. Жизнь утверждается в романе как главная ценность, в чем проявляется жизнеутверждающий характер реализма Пушкина. Н.А. Добролюбов пишет об «очаровании» жизнью как важнейшей особенности творчества Пушкина. Жизненный принцип, сформулированный еще в лицейской лирике, «Миг блаженства век лови», в полной мере реализуется в главном произведении Пушкина, в котором поэт показывает красоту обыденности, через тривиальность поднимается к вечному. Ссылный, гонимый, оклеветанный, возвращенный из ссылки и окованный новыми цепями, обремененный долгами и проблемами, - Пушкин пишет произведение, полное ощущения жизни как величайшей ценности, праздника, любви к миру в его бесконечном таинстве и кажущейся изведанности. Итоговая формула, с которой Пушкин прощается с читателями, завершая свой «труд многолетний», - «праздник жизни». Выражения типа «то-то радость», «какая радость», «люблю», «любуюсь», «нравится» - рассеяны по всему тексту.

Отчуждение человека от жизни происходит через ряд подмен, в которых подлинная жизнь вытесняется ее подобием, а правда жизни – правдоподобием. В индивидуально-природном существовании человека такой подменой является привычка («Привычка свыше нам дана, замена счастию она»). «Привычка в социальной организации общества – условные правила и нормы светского общежития.

Для одних привычка оказывается спасительной (о матери Татьяны говорится: «Привычка усладила горе, не отразимое ничем» - 2,XXXII); для Онегина привычка несет в себе разрушительное начало: «Я сколько ни любил бы вас, привыкнув, разлюблю тотчас» (4,XIV). Свежесть и острота восприятия жизни безвозвратно утрачиваются с годами, унося с собой и идеалы юности. Онегин уверен, что юношеский энтузиазм Ленского пройдет с возрастом: «Глупо мне мешать его минутному блаженству. / И без меня пора придет; / Пускай покамест он живет / Да верит мира совершенству».

Допускает такой вариант и автор: «А может быть и то: / Поэта обыкновенный ждал удел. / Прошли бы юношества лета: / В нем пыл души бы охладел» (2,XXXVШ-XXXIX). Предполагаемый «стеганный халат» Ленского и «шляфрок на вате» (2,XXXШ), который в свое время обновила мать Татьяны Лариной, - материальные приметы прощания человека с идеалами юности и погружения в прозу жизни. Для зрелого Пушкина байронический сплин или онегинская хандра – следствие поверхностности, но не глубины погружения в стихию жизни, открытую бесконечности. Скептицизм и пессимизм появляются как следствие пресыщения и недовольства жизнью, но и несут в себе неспособность противопоставить недостойному существованию идеал. Способность к обновлению является для Пушкина едва ли не важнейшим критерием ценности личности. Онегин поражает тем, как «изменилася Татьяна», превратившаяся из «смиренной девочки» в безупречную и величественную светскую даму. Себя Онегин долгое время считает неспособным к изменению («Не обновлю души моей»), но мощные силы жизни, не терпящей длительной остановки, пробуждают и его. Любовь выводит Онегина из духовного оцепенения.

Готовностью радостного обновления и способностью к возрождению, которая соответствует вечному возобновлению жизни в смене поколений, круговороте природы (отсюда значимость этих тем в романе и творчестве Пушкина в целом), творческая личность противостоит привычке, скуке, охлаждению души. Создавая свой роман в игре возможностями, вариантами, демонстрируя неистощимость поэтической фантазии и виртуозность поэтической техники, Пушкин самой формой романа, бесконечно разнообразной и богатой, указывает на силу, выводящую из жизненных тупиков, противостоящую скуке и привычке. Эта сила – творчество. В пересечении плана героев и плана автора, реальности и литературы, в каждом из которых обнаруживаются творческие возможности, Пушкин выявляет ту позицию, с которой видится мир. Творческая личность относится к миру как к непрестанному творческому акту, в котором совершенствуется и творец, и

его творение. Для Пушкина в одном ряду стоят творчество, созидание, духовность как силы, позволяющие человеку подняться над собой и собственным образом жизни, выявив в себе и в своем окружении то высшее и лучшее, чем можно жить, не пресыщаясь, не скучая, находя в жизни смыслы и новые импульсы к дальнейшему развитию.

Счастье, не имеющее альтернативы, длящееся вечно, без помех и препятствий, становится обыденностью. Отсюда парадоксальная афористичность завершающих строк романа: «Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина...». Жизнь перестает восприниматься как праздник, если он длится слишком долго в неизменности и «безнадежной» прочности. Для Пушкина надежда - «несчастью верная сестра» («К Чаадаеву»), а счастье лишено потребности в надежде. Ценится то, за что платится большая цена, что дается не по инерции как в перенасыщенном удовольствиями дне Онегина, а вследствие длительных усилий или мгновенного и предельного напряжения. Ночь Клеопатры оплачивается ценой собственной жизни, и пушкинские герои готовы платить по такому счету. Для Пушкина безоблачное счастье – лишь миг, ценный своей краткостью («Миг блаженства век лови») в сравнении со временем, затрачиваемым на его обретение. С другой стороны, следствием эпической отдаленности желанной минуты является утрата интереса: Сильвио в финальном эпизоде действует почти механически. Время – враг мечты, обнаруживая ее незначительность в сравнении с вечностью.

Прочное гарантированное благополучие, которому ничто не угрожает, таит в себе опасность утраты поэтичности. Пушкин отдает предпочтение пограничным ситуациям («Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю»), допускающим поворот как к счастью, так и к несчастью, а значит делающим миг наслаждения особенно желанным и ценимым.

В своем крайнем выражении конфликт тяготеет к разрушению, то есть смерти и на крайнем полюсе равнозначен смерти. Пушкин всегда выбирает

жизнь. «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья – / Бессмертья, может быть, залог», - в песне
Председателя воспеваются не смерть, а тот накал чувства, который она
вызывает, - чувства обостренной жажды жизни. Так и конфликт, обостряя
чувство жизни, он побуждает больше ценить гармонию и покой жизни, чем
ее бурные состояния. Урок Пушкина – не перескакивать через ситуацию
конфликта, не мучиться ею, а именно в конфликте почувствовать полноту и
напряжение бытия, возможность обнаружения и активизации скрытых
личностных сил. Не каждый способен чувствовать «неизъяснимы
наслажденья» в ситуации «бездны мрачной на краю»: «И счастлив тот, кто
среди волненья / Их обретать и ведать мог» то есть к постижению
бессмертного приближается тот из смертных, кто возвышается над страхом
смерти, разрушенья, утраты в ситуации, грозящей гибелью, уничтожением.

РЕПОЗИТОРИЙ ВГПУ